

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П64

Художественное оформление *Ольги Медведковой*

Потапенко, Дарья.
П64 Праздник тайфуна / Дарья Потапенко. —
Москва : Эксмо, 2019. — 288 с.
ISBN 978-5-04-100421-7

Дочь шанхайского миллионера решает свести счеты с жизнью под влиянием гуру из тематического интернет-сообщества. Намереваясь спасти ее, христианский священник обращается за помощью к другу детства — японскому психиатру, переживающему профессиональный кризис. В ходе расследования врач знакомится с русской пианисткой, еще одной жертвой интернет-гуру. Тайфун, накрывающий город проливным дождем, задает особый ритм повествования, сталкивая героев и вновь отдаляя их друг от друга.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Потапенко Д., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019
ISBN 978-5-04-100421-7

1

В канун Праздника Середины Осени падре принял решение побеседовать с Иосифом об общем пациенте. Он не видел доктора уже несколько лет, но восстановить потерянные контакты оказалось нетрудно: кое-кто из бывших одноклассников смог подбросить священнику верный номер. С Иосифом падре говорил на английском, хотя тот прекрасно владел китайским языком. Так они общались со времен начальной школы, когда шестилетний Иосиф избегал погружения в пестрый азиатский мир и отвечал всем исключительно по-английски, даже родной японский коверкая нью-йоркским акцентом. Иосиф, по паспорту Китамура Йоши, родился в Токио в семье японского банкира и американской еврейки. Брак родителей был незначительным побочным явлением крупного инвестиционного слияния. Насколько было известно падре, их семейная жизнь не задалась, но все продукты слияния — и корпорация Китамура-Джонсон, и старший сын Йоши, получили отличную реализацию. Компания имела успех на бирже, Йоши с отличием

окончил шанхайский медицинский по специальности «лечебная психиатрия».

Иосиф назначил встречу в кофейном баре на углу Тайань-лу и Укан-лу, в одном из малолюдных районов концессии. Заведение держали русские, ничего не понимавшие в кофе, и публика здесь собиралась неоднородная — если вообще собиралась.

Утром в кофейне было пусто. За барной стойкой одиноко сидела деловая китайянка, с озабоченным видом уткнувшись в телефон. В дальнем углу ждал Иосиф.

— Китамура-сан, — падре присел напротив.

Иосиф насмешливо поморщился.

— Зачем так официально, падре? Весь город знает меня как Иосифа, а тебе я бы простил даже унижительное Йоши-тян, — сказал Иосиф, барабаня пальцами по столу.

— Йоши-тян, — улыбнулся падре. — Ты меня прости, что я сразу к делу. Буду рад увидеть тебя еще раз и поговорить как старые друзья. Но сегодня уж очень серьезный повод. У тебя был пациент по имени Чжан Лоу?

— Ты должен лучше меня знать, что такое конфиденциальность, падре, — пальцы Иосифа, бьющие по столу расслабленным ритмом, замерли. — К счастью, мое начальство, в отличие от твоего, может и не узнать. Да, тот парень появлялся у меня несколько раз. Не могу сказать, что сильно преуспел в его лечении.

Праздник тайфуна

— Ты знаешь, что с ним случилось?

— Спрыгнул? — Иосиф азартно потер руки.

Падре кивнул и перекрестился.

— Я так и знал! Он появлялся нерегулярно, поэтому я не беспокоился. Но рано или поздно этим бы закончилось.

— Я хотел спасти его, но не смог, — падре расстроено опустил взгляд. — Изо всех сил пытался. Чжан Лоу ходил на все мессы. И после каждой мы говорили с ним. Мне казалось, он меня слышит. А потом в следующее воскресенье он приходил еще мрачнее, чем раньше.

— Уж не винишь ли ты себя, падре?

— Йоши-тян, я знаю, что всех не спасешь, и в моих силах лишь молиться за души грешные. Меня другое смущает... После каждой беседы мне казалось, что я достучался до Чжан Лоу, отвел его богопротивные мысли. Но на следующей неделе я с удивлением отмечал, что Чжан будто бы еще сильнее укрепился в своем чудовищном намерении. Положение ухудшалось настолько стремительно, что мне показалось это неестественным. Как будто кто-то регулярно возвращал его к мыслям о суициде. Ты подобного не замечал?

Йоши сделал осторожный глоток эспрессо, с опаской оценивая сегодняшнее достижение русского кофейного искусства.

— Ты прав, падре. Это моих рук дело.

Падре охнул, неловко замотав головой.

— Нет, Йоши, ты меня не так понял. Я вовсе не хотел сказать...

— Однако ты попал в самую точку. У Чжана развился серьезный невроз, уходящий корнями в прошлое. Он годами находился в депрессии. Мысли о суициде в таких случаях неизбежны, но Чжан был глубоко религиозен, поэтому ему казалось важным во что бы то ни стало избавиться от них. В итоге он загнал греховное желание так глубоко в подсознание, что оно стало влиять на все его действия. Ты замечал, что в последнее время с ним все время что-то происходило? Та авария в апреле, потом странный желудочный недуг, от которого его организм был не в состоянии переваривать пищу. Две неосознанные попытки самоубийства — только две, о которых я узнал. Это необходимо было вытянуть наружу, иначе он бы вскрыл себе кишки — знаешь, случайно напоровшись на кухонный нож. Каждую нашу встречу я говорил с ним о самоубийстве. Ты уже нашел злодея, Гао-тян.

Между ними воцарилась тишина. Иосиф спокойно пил кофе, закусывая импортным мятным пряником. Падре молился.

— Нет, это не то, — наконец, выдохнул он. — Ты хороший врач, Йоши. Он не мог спрыгнуть в результате твоей терапии. Ты же не подговаривал его совершить самоубийство?

Йоши расхохотался, чуть не подавившись пряником.

Праздник тайфуна

— Дио мио, падре. Конечно, нет. Он совершеннолетний, я выдал ему его диагноз от и до. Мы проговаривали его лечение, а не планировали суицид. Я держал его на антидепрессантах, чтобы ему не пришло в голову совершать сознательное самоубийство. Но об этом просто необходимо было говорить — согласно моему опыту и современным работам по психиатрии. Судя по результату, и то и другое можно смело отправлять в мусорку.

— Тут другое, Йоши, — падре задумчиво потер висок и оставил указательный палец на кончике правой брови, в надежде удержать беспокойную мысль. — Как-то раз Чжан Лоу обронил такую фразу: «она понимает меня как никто, но она предлагает мне грех». Естественно, мы говорили на китайском, и я не мог узнать, о женщине он говорит или о мужчине. Во время исповеди я не мог расспрашивать об этом. А в последний раз, когда мы виделись, он спросил: «Грех от Евы, падре?» Конечно, я ответил, что грех от Змия, но Чжан Лоу махнул рукой. «Грех от меня самого. А она лишь облегчает мой путь». Это были его последние слова, сказанные мне. Что ты думаешь, Йоши?

Иосиф коснулся салфеткой уголков губ, повертел в руках пачку сигарет и, достав одну, со вздохом отправил обратно. В заведении не разрешалось курить.

— Он никогда не говорил мне об этом, падре. Я даже удивлен, что в его жизни была какая-то

женщина — и главное, достаточно важная, чтобы упомянуть ее на исповеди.

— Я не думаю, — священник поморщился, пытаюсь точнее сформулировать мысль. — Что у него с этой женщиной была романтическая связь. Он упоминал о ней исключительно говоря о «своем грехе». Мы оба владели этим кодом, Йоши. И сладострастие тут ни при чем.

Падре хотел заплатить за кофе, но Иосиф остановил его, заявив, что хозяин заведения — его должник и сегодняшнее угощение не будет стоить им ни одного мао. Так и вышло — русский на выходе кивнул Иосифу и неловко поклонился падре. Православные и лютеране, жившие в пределах концессии, иногда ходили на его мессы и молились по своей традиции, слушая англоязычные проповеди с задних скамей.

Встреча с Иосифом ничего не прояснила.

Падре укорил себя за то, что не был с ним до конца честен. На самом деле, он знал про Чжан Лоу намного больше, чем рассказал.

Впервые несчастный пришел в церковь два года назад, когда Гао только начал проповедовать. Можно сказать, они подружились — по неопытности, и от природного дружелюбия у Гао со многими прихожанами складывались отношения более близкие и человеческие, чем того требовала профессия.

Праздник тайфуна

Чжан происходил из обычной китайской семьи. Родители придерживались буддийского учения, носили красные даосские нити на запястьях и запросто могли зайти в христианский храм втихаря помолиться Амитофу. Сам Чжан Лоу пришел в церковь вслед за невестой Ли Фань, которая выросла в Сеуле в приемной христианской семье.

Влюбленные посещали проповеди Гао вместе — ровно полгода, до тех пор пока не случилось несчастье. Ли сбила машина, Чжан в тот день был с ней. Он видел, как приближается внедорожник, и громко окликнул Ли. Она обернулась и замерла. Чжан Лоу был уверен, что если бы не он, Ли осталась бы жива.

С момента трагедии он не пропускал ни одной мессы. Мысли о самоубийстве присутствовали с ним с самого начала, но из уважения к богу невесты он не мог себе этого позволить. А потом он и сам уверовал. Уныние вернулось к нему недавно на фоне жизненных неурядиц. Падре старался отвлечь его от мрачных мыслей, но с момента появления в его жизни той женщины все усилия священника были напрасны. Каждый раз, снова видя Чжана, падре понимал, что тот общался с женщиной и лишь укрепился в своем страшном намерении. Ее звали Бэй, и Чжан Лоу никогда не видел ее в реальной жизни.

— Святой отец, я согрешила. — Шепчущий голос так горячо приблизился к узорной решетке, что падре пришлось отклониться в сторону. — У меня совсем не было времени каяться. Я грешила каждый день, а затем приходила домой и бессильно валилась на постель, сознавая свой грех, но ни с кем не говоря о нем. Мне было стыдно.

Красные губы Фэйфэй круглым пятном метались за темным резным деревом. Лихорадочное дыхание пахло арбузной жвачкой. Фэй всегда жевала жвачку перед исповедью, каждый раз с разным вкусом.

— Я стала думать о нем больше. И знаю, что каждая мысль — грех. Мысли стали хуже. Иногда мне удается отвлечься от них, но в иные дни я даже во время еды об этом думаю, представляю, будто он смотрит на меня или говорит мне что-то. Когда чищу зубы, думаю. У меня два греха, один — уныние, и второй — сладострастие. Я знаю, о чем говорю. Раньше мои мысли о нем были невинны, но теперь они не невинны. Я позволила себе подумать так один раз и с тех пор не могу остановиться. И мы с вами знаем, падре, это греховно вдвойне. Потому что о нем нельзя вовсе думать. Никак нельзя, а тем более, как я. И я плачу каждую ночь. Я боюсь каждой новой встречи, но без них как без воздуха. Падре.

Праздник тайфуна

Он уже привык к этому звуку и узнавал его с легкостью. Двадцатилетняя Фэйфэй сглатывала слезы.

Падре исповедовал ее давно и знал, что за грех терзает ее сердце. Будучи замужем, Фэй страдала от тайной страсти к другому мужчине. На каждой исповеди она шептала, что это ее чувство греховно, почти противоестественно. Падре понимал: вряд ли за грозными словами скрывается что-то поистине страшное. Скорее всего, Фэйфэй влюбилась в университетского профессора, возможно, тоже женатого. О том, чтобы признаться ему, не было и речи, но девушка все равно терзалась чувством вины. Она просила наказания, но падре никогда не был с ней слишком суров.

— Простите меня грешную. — Шепот красных губ робко поцеловал узорную решетку ставни.

— Бог простит, — улыбнулся Гао, изображая пожилой бас.

Тайфун, пришедший с корейских островов, к середине сентября затянул шанхайское небо жемчужной дымкой. От резких порывов ветра выжженная солнцем зелень срывалась с ветвей и покрывала мощные улицы французской концессии. Когда к 28 сентября облака потемнели и пролились первым несезонным дождем, в Шанхае наступила осень — самая холодная за последние десять лет.

Ступив за порог церкви, священник суетливо полез в портфель за зонтом. Козырек над входом не спасал от сочного косо́го ливня, и рукава сутаны успели промокнуть, пока Гао неловко раскрывал зонтик.

Круглое красное пятно в мокрой дымке терпеливо ожидало его внимания.

— Фэйфэй! — Гао чуть не выронил зонтик.

— Ты сегодня долго, падре. — Прихожанка потрянула короткими волосами. Элегантное каре до середины шеи и летний плащ «Прада» выдавали в ней богатую модницу — из той узкой и на удивление симпатичной прослойки, которую в Шанхае именовали «вторым счастливым поколением».

— А где господин Ван Мин? Кажется, я не видел его сегодня в церкви.

— А меня видел?

Гао заморгал. Об этом его предупреждали, в этом заключалась опасность дружбы с прихожанами — как избежать греха, гуляя в туманной области недоговорок и недознания? Анонимность исповеди и дружеская искренность сталкивались под кривым углом, и Гао стоило огромных трудов огибать его правильной дорогой.

— Я видел, как ты заходила в церковь. На исповедь.

Внимательный взгляд Фэйфэй потерялся в тумане усилившегося ливня.

Праздник тайфуна

— Ван Мин не ходит на исповедь, — сообщила она.

— И точно. Я ни разу не исповедовал его.

— А меня исповедовал?

— Тебя исповедовал.

Красные губы Фэйфэй приоткрылись. Гао смиренно опустил голову. Жемчужная патина ливня скрывала неуверенность и страх греха.

— Я много раз говорила Ван Мину, что нужно исповедоваться. Но он точно не хочет слышать. Скажи, он хороший прихожанин, падре? Он ведь был на всех твоих проповедях. А мне кажется, ты и шимпанзе научишь христианству.

— Не дави на него, Фэй. У каждого своя дорога к вере, для кого-то это путь в один день, кому-то приходится плутать. Его путь долог, но он уже много лет не сворачивает с него.

Красные губы Фэй надулись, точно нераспустившийся бутон шиповника.

Впервые ее привели в церковь в возрасте семи лет. В тот год компания ее отца заключила ряд важных сделок, а мать получила лекторскую должность на факультете китайской драмы. В детстве Фэй бегала с соседскими девочками в местный буддийский храм. У старшей из девочек была любовь с сыном настоятеля. Фэй нравилась предвечерняя тишина буддийского сада, запах цветущего пруда, прохлада каменных мостиков. Нравилось наблюдать за сыном настоятеля и старшей девочкой, игравшими в го